

Михаил Федоров

Баллада

ЛЕШИЙ

Коль собрался сидень в путь,
Жди пургу иль непогоду.
(Чувашская поговорка)

Солнце село. Дядя Хведер
Заложил коня под вечер
Да собрался в путь большой,
В путь не легкий – в лес густой.
«Посбираю дров сухих,
До ночи – куда еще!..»
Скучновато без своих –
Пригласил товарищей.
Но Мигул ответил так:
– целый год жена в постели,
Сам сегодня до Ишак
Собрался еле-еле.
Киреметь* сердит на нас.
Помолюсь – авось поможет.
Жеребенка в жертву может,
Принести ему сейчас?..
Кириле – другой сосед –
И не показался.
Знать, его и дома нет:
Хведер не дозволялся.
Да и дядюшка Лаврась
Снова выехал в извоз:
Говорят, что вчерась
В волость рекрутов повез.
А восток горит, горит
Кумачом-пожарищем.
Непогоду, знать, сулит
Горизонт пылающий.
Тучи черные невесть
Где взялись, спешат куда –
Небосвод закрыли весь
Их зловещие стада.
Лес волнуется, шумит...

* Киреметь – злое божество.

– Н-но! Не трусь, мой карий!
Иль не видишь: вяз стоит
У дороги старый...
Ну, а карий чуть бредет
И храпит устало –
Достается в каждый год
Бедному не мало.
Да уж что и говорить:
Коль скотинушку кормить,
Не соломою ржаной
Надо бедную кормить.
Только где он – корм иной?
...А дорога по весне –
То навоз сплошной, то снег,
Слева – речка, справа – ров:
Чуть свернешь и – будь здоров –
Не захочешь больше дров.
Конь встает, иди хоть пеший.
Впереди... вежа иль леший?
Иль какой разбойник-тать
Вышел ночью промыслять?
Впереди маячит что-то...
Что-то треснуло в кустах...
По спине холодным потом
Заструился жуткий страх.
Тур сирлах*, неужто звери?
Сердце трепетно стучит.
Не захочешь, да поверишь,
Как в лесу злой дух кричит
И смеется, и хохочет,
Сказки-байки все бормочет,
Посвистом своим он хочет
Всех с дороги верной сбить,
Как козел он криворогий,
Как старик белобородый,
Мертвым ветром в лица дует –
Защекочет, заколдует.
Огрызается собакой.
Кто его ни встретит – всякий
Смертью страшною помрет:
Леший насмерть загрызет.
А потом на лошадь сядет,
Обратится ямщиком,

* Тур сирлах – соответствует русскому «господи!»

Так помчит, кричать заладит –
Задрожит земля кругом...
Никому в лесу, в пути,
Смерть не хочется принять.
В дом родимый бы прийти,
Милых детушек обнять,
 До седых волос дожить,
А когда придет конец,
На своей постели мне
Тихой смертью бы почить.
Славу добрый человек
Оставляет кончив век.
Богатей умрет – добра
Оставляет горы;
Я ж умру – лишь детвора
Будет без призора
Да жена останется
Горе мыкать и страдать.
Чем остаться сиротою,
Лучше быть сухой травой,
Ветром яростным осенним
Унесенным лучше быть,
До пруда ручьем весенним
Легким мусором доплыть
И осесть, как ил, на дно,
Чтоб догнать там заодно...
 Вплоть до мельницы до самой
Леший следом брел за нами.
Беглецом, удравшим с боя,
Он прикинулся в яру
И покойницей-каргою
Стал в Виснеровском бору.
Продолжая так идти,
Стал овцой на полпути.
Приотстал затем слегка,
Обратился вдруг в щенка
И под мельницу – в берлогу –
Завернул... И слава богу!
– Не храпи, мой карий друг!
Что нам страх теперь? Гляди:
Идельмеса позади,
Чиберуй лежит вокруг.
И его минует скоро,
Недалек уже наш лес.
Он всегда с ветрами спорит,

Тянет ветви до небес.
Да, хорош, красив наш бор!
Глянешь – сердце радует;
Ели там, как на подбор,
 Срубишь – звонко падают.
А березки! Каждый ствол
На оглоблю бы пошел.
У рябин не счесть развилин –
 Вот уж, право, вышли б вилы!
Бурей дуб там привалило
И черемушник прибило.
 Но откуда взялся леший,
Что людей пугает здешних?
«От Эндри, от мужика», –
Скажут все наверняка.
Вспомнят деды и Ягура –
Богача и самодура.
На башкирском иноходце,
Запряженном в тарантас,
Выезжал он, как ведется,
На прогулку как-то раз.
Обогнув ржаное поле,
В лес заехал мимоходом.
А в лесу – ведь вот недоля! –
Нищий плелся тихим ходом.
И случилась тут беда:
На дороге как всегда,
Захотел курить старик,
К трубке старец и преник.
Глуховат, подслеповат –
Не успел он рассмотреть,
Как лошадкой был примят
И лихую принял смерть.
И чего б Эндри леском
Шляться, старому, пешком?
Да. Но где коня добыть?
Нам бы благо не ходить –
Бедность по миру гоняет,
 Побираться заставляет.
Мы хушпу* в заклад кладем,
Озимь с корня продаем,
Лишь бы подати внести.
Рад бы нищим не идти,

* Хушпу – старинный женский головной убор.

Да нужда опять в дому –
Вновь берешься за суму...

1879 год.